

Бібліографическія замѣтки.

Литургія святаго Василя Великаго. Вводныя свѣдѣнія. I. Греческій и славянскій тексты. II. Заамвонныя молитвы. III. Особенности литургій св. Іоанна Златоуста. Съ изображеніемъ св. Василя и четырьмя снимками съ рукописей. Первое критическое изданіе Протоіеря М. И. Орлова, профессора греческаго языка и сравнительнаго языкознанія съ санскритомъ СІБ-ской Духовной Академіи. СІБ. 1909 г., стр. I—IXXXVII + 1—412.

Изданіе литургическихъ рукописей, особенно съ критическими примѣчаніями и научнымъ комментариемъ, для литургической науки есть дѣло первостепенной важности и самой неотложной необходимости. До тѣхъ поръ, пока наука не опладѣетъ надлежащимъ образомъ тѣмъ рукописнымъ богатствомъ, которое разсѣяно по различнымъ книгохранилищамъ востока, запада и нашимъ русскимъ, работы по изслѣдованію исторической судьбы православнаго богослуженія, а также разрѣшеніе самыхъ кардинальныхъ вопросовъ изъ области церковно-богослужебной практики не могутъ быть плодотворными. Высказанное положеніе вполне подтверждается опытами изслѣдователей историческаго прошлаго нашего церковнаго богослуженія, а равно и нѣкоторыми трудами по поясненію смысла и значенія тѣхъ или иныхъ чинопослѣдованій. Тѣ изъ послѣдняго рода трудовъ, которые не имѣютъ въ своей основѣ историческихъ справокъ, не могутъ выдержать серьезной научной критики, равно какъ и не могутъ удовлетворить пытливаго чувства истинныхъ любителей церковнаго благолѣпія и благочинія. Нуж-

да въ изданіи или научномъ описаніи литургическихъ рукописей всегда поэтому сознавалась нашими лучшими литургистами. Къ подобнаго рода трудамъ по разработкѣ рукописнаго и печатнаго литургическаго матеріала можетъ быть отнесена и выпедшая недавно, указанная нами книга проф. прот. М. И. Орлова. Какъ показываетъ подзаголовокъ къ этой книгѣ, въ ней мы должны встрѣтить *критически* обработанный текстуальный матеріалъ къ исторіи одного изъ важнѣйшихъ чинослѣдованій богослуженія—литургіи Василия Великаго.

Свое „критическое изданіе“ текста литургіи Василия Великаго почтенный авторъ предваряетъ сообщеніемъ нѣкоторыхъ „свѣдѣній, вводящихъ въ изданіе“. Здѣсь онъ отмѣчаетъ особенности литургическаго текста въ ряду другихъ текстовъ (стр. III—VII), описываетъ и объясняетъ вызванное этими особенностями нѣкоторое своеобразие въ методѣ и technikѣ своего изданія (стр. VII—X), даетъ краткое описаніе использованныхъ для изданія греческихъ рукописей и печатныхъ богослужебныхъ книгъ (стр. X—XV), устанавливаетъ взаимоотношеніе греческихъ текстовъ литургіи Василия Вел. по ихъ составу и касательно молитвенныхъ частей (стр. XXVI—XXIX); выполняетъ ту же самую работу въ отношеніи къ славянскимъ текстамъ взятой имъ литургіи (стр. XXX—XLVII) и, наконецъ, останавливается на отношеніи греческихъ текстовъ къ славянскимъ (стр. LVII—LX). Одинъ изъ параграфовъ этого *перваго* отдѣла „вводныхъ свѣдѣній“ авторъ специально посвящаетъ литургической дѣятельности митрополита Кипріяна (стр. LI—LIII). Этотъ небольшой параграфъ, на первый разъ кажущійся отступленіемъ отъ прямого хода изслѣдованія, на самомъ дѣлѣ является вполне необходимымъ и представляетъ для науки весьма цѣнное и важное приобрѣтеніе. При переходѣ отъ греческихъ литургійныхъ текстовъ къ славянскимъ, естественно возникаетъ представленіе и о лицахъ, имя кото-

рину такъ или иначе связано съ переводомъ греческаго текста на славянскій языкъ и съ судьбою славянскаго литургическаго текста. Наиболѣе важное значеніе въ этой судьбѣ имѣли, конечно, во-первыхъ, св. переводчики греческихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, братья Кирилль и Меѳодій, затѣмъ извѣстный литургическій дѣятель м. Кипріанъ, съ именемъ котораго связывается появленіе въ нашей письменности т. н. *Дѣятель*, или литургійнаго Устава патріарха Филоея, и наконецъ, патріархъ Никонъ. Авторъ считаетъ необходимымъ остановиться лишь на дѣятельности м. Кипріана, такъ какъ по его (автора) словамъ „дѣятельность св. братьевъ исторіи точно неизвѣстна; наоборотъ, дѣятельность патріарха Никона болѣе или менѣе общеизвѣстна“ (стр. LII). На основаніи новыхъ, имѣвшихся въ распоряженіи автора рукописныхъ данныхъ, онъ устанавливаетъ нѣсколько иной взглядъ на литургическую дѣятельность м. Кипріана, чѣмъ тотъ, который въ свое время высказывалъ проф. Мансветовъ¹⁾. Послѣдній по одному изъ вопросовъ о литургической дѣятельности м. Кипріана, именно объ отношеніи этого митрополита къ упоминаемому нами Уставу Филоея, держался того мнѣнія, что м. Кипріанъ перевелъ съ греческаго лишь ту редакцію этого Устава, въ которой онъ являлся слитымъ съ литургійнымъ текстомъ. Между тѣмъ въ русской письменности существуютъ списки этого Устава отдѣльно отъ литургій, причемъ переводъ такихъ списковъ съ греческаго на славянскій приписывается м. Кипріану. Проф. Мансветовъ отвергалъ принадлежность перевода Устава послѣдней редакціи м. Кипріану и говорилъ, что переписчики ставили въ данномъ случаѣ имя Кипріана *по недоразумѣнію*. Проф. Орловъ, на основаніи двухъ рукописей Софійской бібліотеки, очевидно неизвѣстныхъ въ свое время Ман-

---

¹⁾ См. его „Митрополитъ Кипріанъ, въ его литургической дѣятельности“. М. 1882.

светову, устанавливаетъ, что „м. Кипріанъ трудился надъ переводомъ Устава не только слитно изложеннаго, но и отдѣльными литургіи“ (стр. LVIII). Т. о. весьма темный вопросъ о судьбѣ въ русской церкви т. н. *Διατάξις* литургіи, благодаря разсматриваемому § книги о. Орлова, получаетъ новое освѣщеніе.

Второй отдѣлъ „вводныхъ свѣдѣній“ въ книгу о. Орлова представляетъ изъ себя особый „экскурсъ“, посвященный одной изъ древнѣйшихъ рукописей, заключающихъ въ себѣ текстъ литургіи Василія Великаго, а именно — Евхологию пр. Порфирія Успенскаго ¹⁾ (стр. LXV—LXXIX). Для науки интереснѣе и важнѣе всего болѣе или менѣе точное опредѣленіе времени написанія этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ рукописи. Самъ б. обладатель этого евхологія, называвшій его „сапфиромъ синайскимъ“, относилъ его по времени происхожденія чуть не къ VII вѣку. Профессора — Мансветовъ и Красносельцевъ, не соглашаясь съ преосв. владѣльцемъ рукописи, относили ее къ IX или даже X ст. ²⁾. Проф. Орловъ цѣлымъ рядомъ самыхъ тщательныхъ палеографическихъ наблюденій надъ Порфирьевскимъ евхологіемъ и посредствомъ весьма точныхъ филологическихъ изысканій приходитъ къ тому выводу, что данный евхологіей д. б. отнесенъ къ девятому вѣку. Но этого мало. О. протоіерей устанавливаетъ еще и тотъ весьма важный фактъ, „что орфографически неприглядное письмо (Порфирьевскаго евхологія) скрываетъ подъ собою унциальный или уставно-писанный оригиналъ“, причемъ „этотъ оригиналъ оставляетъ своею позднюю коніиста въ его вѣкъ, но самъ со своимъ текстомъ восходитъ въ глубь

¹⁾ Этотъ евхологіей вывезенъ пр. Порфиріемъ съ Синаи и хранится теперь въ Импер. Публ. Библіотекѣ подъ № ССХХVI.

²⁾ Мансветовъ, Библіогр. очеркъ къ изданію Евхологія Гейтлера. Приб. къ Твор. св. оо. 1883, III, 347—390. Красносельцевъ. Свѣдѣнія о нѣкотор. литург. рукоп. Ватик. библиот. стр. 211.

древности по крайней мѣрѣ на цѣлый вѣкъ“ (стр. LXVI). Этотъ фактъ весьма важенъ, такъ какъ показываетъ, что въ столь древнее время существовали записи полнаго литургійнаго текста. Т. о. и данный „экскурсъ“ книги о. прот. Орлова представляетъ опять таки неоспоримо цѣнный научный вкладъ: Порфирьевскій евхологій еще не былъ въ рукахъ такого внимательнаго и такого кропотливаго исследователя, обладающаго при этомъ громадною эрудиціей какъ по части греческой филологіи, такъ и въ области греческой палеографіи.

Центральную и большую по объему часть книги составляетъ, естественно, самое „изданіе“ текста литургій Василя Великаго (стр. 1—319). Методъ работы здѣсь такой. Авторъ параллельно издаетъ греческій и славянскій тексты (лѣвая сторона занята греческимъ текстомъ (четныя страницы), правая (нечетныя страницы) — соответствующимъ славянскимъ). Въ качествѣ *руководственнаго* греческаго текста онъ беретъ текстъ Порфирьевскаго евхологія, а недостающія въ немъ части возстанавливаетъ, съ одной стороны, на основаніи, находящейся въ томъ же евхологій, литургій Златоустовой, а съ другой—на основаніи рукописи Моск. Рум. музея (Севастьяновскаго собранія), № 15 (474). X—XI в. Каждую строку текста авторъ обозначаетъ цифрой и къ самому тексту присоединяетъ внизу, подъ строкой, троякаго рода замѣчанія: „на первомъ мѣстѣ отмѣчаются рукописи, послужившія источникомъ для основного текста; на второмъ даются палеографическія особенности этихъ исходныхъ рукописей, если дѣйствительно особенности есть; наконецъ, на третьемъ мѣстѣ, наиболѣе широко, указывается все, что даетъ прочій рукописный матеріалъ, вмѣстѣ съ печатными изданіями, противъ каждого отдѣльнаго слова нумерованной строки и противъ цѣльнаго пункта, озаглавленнаго латинскою литерой“ (стр. VIII). Такимъ образомъ, изданіе автора не стоитъ въ рабской зависимости отъ рукопи-

си, а „построено на сравнительной оцѣнкѣ рукописныхъ текстовъ“ (ibid.). Такой методъ изданія необыченъ, но онъ обусловливается тонко подмѣченными авторомъ и сжато выраженными имъ особенностями литургическаго текста: живостью его, въ смыслѣ постоянного роста, и двойственностью его состава (текстъ молитвъ и текстъ замѣчаній о совершеніи священнодѣйствій и времени произнесенія этихъ молитвъ), а также особенностью литургическихъ рукописей, состоящей въ томъ, что въ силу живости текста и его постоянного роста, эти рукописи очень трудно, да почти и невозможно группировать по классамъ (стр. IIIV—II). Этотъ методъ насколько труденъ и требуетъ чрезвычайной кропотливости отъ самого автора-издателя, настолько полезенъ и представляетъ неоспоримыя удобства для всякаго, желающаго использовать разсматриваемый трудъ въ качествѣ матеріала для исторіи текста литургіи Василия Великаго, исторіи различныхъ наслоеній, сокращеній и водопзмѣненій въ этомъ текстѣ какъ въ греческой, такъ и въ русской церкви, на протяженіи IX—XIX вѣковъ. Стоитъ только для этой цѣли, смотря по надобности, расшифровать принятое авторомъ условное обозначеніе рукописей и печатныхъ изданій посредствомъ буквъ и цифръ при нихъ¹⁾, и пользованіе изданіемъ не представитъ никакихъ затрудненій.

Второй отдѣлъ самаго „изданія“ авторъ посвящаетъ особымъ заамвоннымъ молитвамъ, читавшимся въ древней церкви по праздникамъ (стр. 322—381). Текстъ этихъ молитвъ авторъ издаетъ по тому же Порфирьевскому евхологію, а параллельно представляетъ свой русскій переводъ этихъ молитвъ. Въ примѣчаніяхъ къ греческому тексту авторъ опять указываетъ различные варианты въ чтеніи этихъ

¹⁾ Значеніе этихъ буквъ и цифръ, а равно и другихъ условныхъ знаковъ объясняетъ самъ авторъ въ III § своего введенія (стр. IX).

моливъ по другимъ греческимъ рукописямъ, а въ сноскахъ къ русскому переводу дѣлаетъ справки съ переводомъ этихъ моливъ, сдѣланныхъ пр. Порфиріемъ. Какъ видно изъ Порфирьевскаго еххологія, въ греческой церковной практикѣ было въ употребленіи довольно значительное количество заамвонныхъ моливъ ¹⁾. На каждый праздникъ и на нѣкоторые воскресенья существовали особыя моливъ, въ которыхъ и излагается сущность празднуемаго событія. Вліяніе этой практики замѣчается и въ нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ. Такъ, авторъ отыскалъ нѣсколько (очень немного, сравнительно съ греческими рукописями) такихъ заамвонныхъ моливъ въ трехъ славяно-русскихъ рукописяхъ Софійской бібліотеки (№№ 523, 524 и 526) ²⁾.

Третій и послѣдній отдѣлъ разсматриваемой книги заключаетъ „отличительные тексты греческій и славянскій изъ литургіи св. Іоанна Златоустаго по древнѣйшимъ рукописнымъ источникамъ“ (стр. 384—405). Этотъ отдѣлъ является весьма важнымъ для установленія взаимоотношенія между литургіями Василія Великаго и Іоанна Златоуста.

¹⁾ См. также, прот. Кекелидзе „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ“. Тифлисъ. 1908. Стр. 154, 189, 194, 221.

²⁾ Нѣчто *подобное* разсматриваемымъ моливамъ есть въ двухъ славянскихъ рукописяхъ Московской Синодальной бібліотеки, №№ 675 и 268 (по „Описанію Горскаго Невоструева“ — №№ 371 и 375. См. стр. 136—137 и 201 этого описанія). Такъ, здѣсь мы находимъ нѣсколько моливъ, „глаголемыхъ по скончаніи заамвонныхъ моливъ“, „есть же егда и въ недѣлю“. Кромѣ этихъ моливъ есть еще: „моливъ по отпустѣ, въ память преподобныхъ и святителей“, „моливъ по отпустѣ въ память пророкъ“, — „въ память апостоломъ“, — „въ праздники Пресвятыя Богородицы въ день Рождества, Введенія, Благовѣщенія“, „моливъ отпустная въ день праздника предтечева“. Интересно бы сопоставить содержаніе этихъ моливъ съ содержаніемъ заамвонныхъ моливъ Порфирьевскаго еххологіона.

Къ своей книгѣ авторъ приложилъ „указатель къ выраженіямъ и заимствованіямъ изъ Библии въ литургіяхъ Василия Великаго и Іоанна Златоуста“ (стр. 408—412). Это приложеніе имѣетъ интересъ въ томъ отношеніи, что оно даетъ хорошій матеріалъ для вопроса о характерѣ богослужебнаго творчества. Этотъ указатель обнаруживаетъ, что авторы церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній въ широкой степени пользовались Словомъ Божиимъ, какъ источникомъ для своего творческаго вдохновенія.

Трудъ о. прот. М. П. Орлова, по нашему крайнему разумѣнію, долженъ занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей литургической литературѣ. Въ данномъ случаѣ остается только пожелать, чтобы авторъ, извѣстный филологъ и, какъ видно, весьма свѣдущій и опытный палеографъ, подарилъ литургическую науку и еще нѣсколькими своими трудами подобнаго рода. Въ краткомъ предисловіи къ книгѣ (рубрики: „отъ издателя“) авторъ замѣчаетъ, что онъ предполагалъ сначала произвести научно-критическую работу въ широкихъ рамкахъ *всего* Евхологіона (стр. XII). Настоящая книга является, поэтому, лишь частью когда то задуманна авторомъ колоссальнаго труда. Было бы весьма желательнымъ, если бы авторъ, такъ блестяще исполнившій свою первую работу по части критическаго изданія литургическаго текста, работу, обнявшую лишь текстъ литургіи Василия Великаго, не отказался отъ подобнаго изданія и прочихъ, хотя бы важнѣйшихъ, частей нашего евхологія.

Трудъ о. прот. Орлова, думается, долженъ имѣть и весьма важное практическое значеніе, въ качествѣ тщательно провѣреннаго матеріала для исправленія нашего современнаго чина литургіи. А вопросъ объ исправленіи нашихъ богослужебныхъ книгъ, по крайней мѣрѣ съ ихъ текстуальной стороны, въ настоящее время—вопросъ самой насущной необходимости, и наша высшая церковная власть, насколько извѣстно, серьезно озабочена этимъ вопросомъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ книги о. прот. Орлова. Книга издана на прекрасной бумагѣ и четкимъ красивымъ шрифтомъ. Въ книгѣ помѣщены въ соответствующихъ мѣстахъ: прекрасно исполненная точная конія съ находящагося въ рукоп. Соф. библи. XV в. (№ 531) изображенія св. Василія Великаго и четыре, опять таки прекрасно изготовленныхъ, снимка съ древнихъ рукописей (два съ греческихъ и два съ славянскихъ). Изданіе вообще очень роскошное.

В. Прилуцкій.

Профессоръ М. А. Остроумовъ и профессоръ Н. Н. Глубоковскій.

О реформѣ духовной школы. С.-Петербургъ. Стр. 50.

Первую половину брошюры составляютъ двѣ статьи профессора М. А. Остроумова,—одна (стр. 1—6) общаго, принципиальнаго характера—о назрѣвшей потребности и неотложной нуждѣ коренной реформы духовной школы, другая—„О реформѣ духовныхъ семинарій“ (стр. 6—28)—спеціальнаго, техническаго свойства.

Вторую половину брошюры образуетъ статья профессора Н. Н. Глубовскаго „Объ организаціи школьнаго пастырскаго приготовленія и объ устройствѣ „богословско—пастырскихъ училищъ“ (стр. 28—50), имѣющая не только научный, принципиальный, но и учебно-техническій характеръ.

Частіе, въ первой, вступительной своей статьѣ проф. М. А. Остроумовъ, показавъ и доказавъ невозможность оставлять духовную школу безъ реформы, какъ со стороны состоянія и нестройства школы, такъ и въ виду предъявляемыхъ къ ней требованій времени, предлагаетъ общій проэктъ реформы, считая необходимымъ: 1) всю нашу учебно-воспитательную систему пересмотрѣть съ верху до низу, съ цѣлью внесенія въ нее большей согласованности,

последовательности, постепенности; 2,—болѣе основательно поставить общее образованіе, какъ пропедевтическую стadiю для спеціально-богословскаго; 3,—углубить и расширить это послѣднее съ необходимыми его развѣтвленіями; 4) сообщить всей системѣ болѣе опредѣленности и устойчивости въ борьбѣ съ современнымъ отрицаніемъ и, наконецъ,—5) всю систему пропитать христіанскимъ православымъ духомъ. Въ цѣломъ профессоръ сперва намѣчаетъ а затѣмъ—во второй статьѣ—въ подробностяхъ развиваетъ идею общеобразовательной духовной или „христіански-гуманитарной“ школы, съ различіемъ въ ней двухъ стадій: общеобразовательной и спеціально-богословской. Необходимость придать реформируемой духовной школѣ именно такой типъ весьма обстоятельно мотивируется у автора не только исчерпывающимъ анализомъ отзывомъ епархіальныхъ архіереевъ, соображеній семинарскихъ и училищныхъ корпорацій и мнѣній членовъ V Отдѣла Предсоборнаго Присутствія въ ихъ проектахъ реформы духовно-учебныхъ заведеній, но и показаніемъ полной неудовлетворительности соотношенія общаго и богословскаго образованія по семинарскому уставу 1864 года, а также историческою справкою касательно развитія идеи христіанскаго просвѣщенія въ древней церкви и въ исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи, особенно по уставамъ духовныхъ училищъ 1814 года (и—духовныхъ семинарій—1867 года).

Предлагаемый далѣе авторомъ учебный планъ духовной общеобразовательной школы имѣетъ, конечно, значеніе проекта, могущаго подвергаться измѣненіямъ въ частностяхъ, но заслуживаютъ полнаго вниманія какъ авторская концентрація учебныхъ предметовъ духовной школы (по семи группамъ наукъ), такъ и мысли автора о значеніи постановки богословія и философіи въ проектируемой имъ духовной общеобразовательной школѣ. Въ вопросѣ „о постановкѣ Православнаго Христіанскаго ученія“ имѣетъ, на

нашъ взглядъ, особенное значеніе предположеніе автора замѣнить „Библейскую Исторію“ (теперь, какъ извѣстно, въ 1906 году совершенно упраздненную въ семинаріяхъ) „Историческимъ ученіемъ о домостроительствѣ нашего спасенія“; такая наука, представляющая, очевидно, христіанское догматическое ученіе, но изложенное исторически, въ исторической послѣдовательности Божественнаго Откровенія, дала бы высшій синтезъ и завершеніе богословскихъ познаній, приобретаемыхъ въ духовной общеобразовательной школѣ и соотвѣтствовала бы наукѣ библейскаго богословія, кафедре котораго необходимо должна быть въ Академіяхъ.

Статья профессора Н. Н. Глубоковского въ начальной своей части тоже посвящена доказательству той мысли, что преобразование семинарій не можетъ быть ведено въ узко-профессіональномъ духѣ, на манеръ пастырскихъ школъ католичества: „это не согласуется ни съ природою, ни съ происхожденіемъ, ни съ исторіей духовно-учебныхъ заведеній“ (стр. 36). Напротивъ, „необходимо всѣмъ неизбѣжно утвердиться въ той мысли, что пастырство можетъ создаваться и успѣшно совершаться лишь при наличности основательнаго общаго и богословскаго образованія, какъ своего естественнаго приготовленія. Этого требуютъ жизненные запросы пастырскаго служенія по современному положенію вещей, которое будетъ не ослабѣвать, а усиливаться въ данномъ направленіи. Помимо сего, къ этому же принудительно наклоняетъ и самая природа пастырскаго благовѣстничества“ (стр. 39). Въ проектируемыхъ проф. Н. Н. Глубоковскимъ „богословско-пастырскихъ училищахъ“ курсъ трехгодичный, при чемъ „первый и второй пастырскіе курсы должны дать воспитанникамъ законченное общее богословское образованіе, гдѣ догматически - моральныя истины православія утверждены на библейскомъ фундаментѣ и освѣщены вселенскимъ сознаніемъ и историческимъ опытомъ“,

а „третій курсъ отойдетъ на долю наукъ изъ области „практическаго богословія“ и будетъ церковно-практическимъ по преимуществу“ (стр. 40). Примѣнительно къ этой принципиальной основѣ начертывается, далѣе, учебный планъ и программа распредѣленія учебныхъ предметовъ. Въ заключеніи („приложенія“, стр. 44—50) приводятся нѣсколько другихъ аналогичныхъ проектовъ построенія богословско—пастырской школы, принадлежащихъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, съ краткими критическими замѣчаніями на нихъ. Особенно ярко показаны несовершенства чьего-то „одного авторитетнаго проекта“—устройства „Училища пастырства“ (стр. 44—45 Примѣч). Нельзя не пожелать, чтобы глубоко-вѣрные принципиальныя сужденія доскопеченныхъ профессоровъ М. А. Остроумова и Н. Н. Глубоковского приняты были въ соображеніе при предстоящей реформѣ духовной школы, средней и высшей.

II. Профессоръ Н. Н. Глубоковскій. *Памяти покойнаго профессора Алексѣя Петровича Лебедева (по въ первомъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты) (Съ портретомъ и автографомъ почившаго) СПб. 1908, стр. 31. Ц. 55 коп. съ перес.*

Брошюра представляетъ собою достойный вѣнокъ на могилу столь неожиданно скончавшагося минувшимъ годомъ нашего славнаго церковнаго историка (почетнаго члена всѣхъ четырехъ русскихъ Духовныхъ Академій) профессора Московскаго Университета Алексѣя Петровича Лебедева († 14 іюля 1908 года). „Мы — говорить достойный ученикъ великаго учителя,—непосредственные зрители и ближайшіе свидѣтели ученаго благодѣянаго подвига (почившаго), охлодотворявшаго нашу научную жизнь на всѣхъ ея стадіяхъ,—глубоко поражены неожиданной кончиной великаго учителя и приносимъ на его священную могилу неувядающій вѣнокъ признательныхъ моленій съ горячей вѣрой улаждающей надежды, что—почившій отъ трудовъ

среди трудовъ—самоотверженный искатель истины сподобился теперь созерцать ее воочию"... (стр. 31). Духовное сродство и ученая конгеніальность автора съ почившимъ профессоромъ-историкомъ дали возможность первому основательно выяснить ученый и вообще духовный обликъ послѣдняго. Съ присущею автору сжатостію и силою начертать онъ идеальныя требованія отъ науки церковной исторіи и отъ историка христіанства и церкви (стр. 4—6) и далѣе осязательно показалъ, какъ эти основныя требованія были символомъ научной жизни А. П. Лебедева (стр. 6—10). Оставаясь вѣрнымъ фактической дѣйствительности, почтенный авторъ затрогиваетъ и больной для почившаго при жизни пунктъ о разнаго рода служебныхъ терніяхъ его ученаго служенія.—„Ползучая рожа, сведшая въ могилу, преслѣдовала покойнаго всю жизнь въ образѣ клеветы и злорѣчія. Его упорно считали и не переставали трактовать въ качествѣ неправославнаго либерала съ характеромъ смутляна... Въ высшей степени характерно и знаменательно, что Ал. П. Лебедевъ умышленно не былъ привлеченъ къ подготовительнымъ „предсоборнымъ“ работамъ касательно нашихъ церковныхъ реформъ, и когда дѣло должно было рѣшаться по разуму и завітамъ вселенской церкви,—въ это время не нашлось мѣста для лучшаго нашего церковнаго историка тамъ, гдѣ отовсюду собирали даже любителей и начетчиковъ, не всегда твердыхъ въ богословской терминологіи. По истинѣ, пророкъ не пріемлется въ отечествѣ своемъ"... (стр. 10 и 12) Противъ подобныхъ подозрѣній и недоразумѣній, тяготѣвшихъ надъ почившимъ чуть не до гробовой доски, со всею энергіею искренняго и глубокаго убѣжденія и съ исповѣдническимъ мужествомъ и выступасть достопочтенный авторъ: „Священный долгъ благодарнаго ученика и научная обязанность академически-литературнаго богослова заставляютъ насъ, говорить онъ, выступить съ рѣшительнымъ протестомъ на защиту учителя,

скованнаго гробовымъ молчаніемъ"... (стр. 12). Этой благородной цѣли авторъ вполне достигаетъ—путемъ подробнаго анализа характера научнаго творчества и научно-богословскихъ принциповъ почившаго историка (стр. 13—28): знаменитый нашъ церковный историкъ, литературное наслѣдіе котораго исчисляется цѣлыми сотнями печатныхъ листовъ, извѣстный профессоръ, чрезъ посредство котораго 13 лицъ получили степень магистра богословія и 7—доктора (богословія, церковной исторіи, церковнаго права), выступаетъ въ изображеніи автора великою ученою силою и притомъ богословомъ безспорно православнымъ.

3. Профессоръ А. А. Дмитріевскій: 1) *Недѣля Православія и Крестопоклонная въ Иерусалимъ въ святогробскомъ храмѣ. Стр. 16.* 2) *Праздникъ Входа Господня въ Иерусалимъ въ Святогробскомъ храмѣ и Суббота приведеннаго Лазаря въ Вифаніи. Стр. 29.* 3) *Приготовление и освященіе мѣра въ великій четвергъ въ Константинополь въ патриаршей Великой Церкви. Стр. 18.* 4) *Умовеніе ногъ въ Великій Четвергъ въ Иерусалимъ и на островъ Патмосъ. Стр. 29.* 5) *Великая Пятница въ Святогробскомъ храмѣ въ Иерусалимъ. Стр. 23.* 6) *„Благодать святаго огня“ на живоносномъ Гробѣ Господнемъ въ Великую Субботу. Стр. 24 СИБ. 1908.*

Всѣ эти брошюры достопочтеннаго профессора Алексѣя Афанасьевича Дмитріевскаго, г. Секретаря Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, изданныя Обществомъ, какъ „Благословеніе святаго града Иерусалима“ православному русскому народу, являются прекраснымъ и благовременнымъ даромъ послѣднему ко днямъ святаго великаго поста Св. Четырдесятницы. Если когда, то особенно въ эти приготовительные дни предъ днями священныхъ спасительныхъ воспоминаній Голгоетской Жертвы и преслав-

наго Христова Воскресенія полезно и спасительно устремлять и направлять мысль разсѣянныхъ по лицу земли чадъ церкви Христовой къ колыбели христіанства, къ „Матери церквей“, церкви Сіонской или Іерусалимской; совершаемые въ ней богослужебныя чины въ эти священные дни, какъ ожидается само собою, носятъ печать особенной оригинальности, характеръ исключительной близости къ тѣмъ отдаленнымъ богосвѣтлымъ днямъ, когда совершились самыя великія спасительныя событія, составляющія предметъ богоговѣйнаго чествованія и восторженнаго поклоненія для всего христіанскаго міра. Удовлетворить этимъ духовнымъ запросамъ особенно православныхъ русскихъ, ископн проявлявшихъ и доселѣ проявляющихъ особенное тяготѣніе къ Святой Землѣ, можетъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, почтеннѣйшій профессоръ А. А. Дмитріевскій: признанный ученый специалистъ православнаго христіанскаго Богослуженія въ его исторіи и технику, незаурядный знатокъ христіанскаго (ближняго) Востока, А. А. Д. имѣетъ всѣ данныя къ наиболѣе совершенному выполненію поставленной имъ себѣ задачи при составленіи серіи чтеній объ отдѣльных праздничныхъ богослуженіяхъ Православнаго Востока.

Какъ глубокой спеціалистъ предмета, авторъ на протяжении разсматриваемыхъ брошюръ сообщаетъ немало важныхъ и любопытныхъ данныхъ къ исторіи и современной практикѣ Богослуженія на православномъ востокѣ вообще и въ особенности въ святомъ градѣ. Такъ, напримѣръ, изъ брошюры „Недѣля православія и крестопоклонная въ Іерусалимѣ въ Святогробскомъ храмѣ“ мы узнаемъ (стр. 14 примѣч.), что такъ называемый у насъ „чинъ анаеоматствованія“ не совершается на православномъ востокѣ нигдѣ; напротивъ, — чего нѣтъ въ принятомъ у насъ чинѣ, — торжество православія, по Тиликону Великой Церкви Константинопольской, выражается, между прочимъ, совершеніемъ надъ коливомъ заупокойной литіи, на которой патріархъ по-

минаетъ въ вѣрѣ и благочестіи скончавшихся царей, патриарховъ и всѣхъ православныхъ христіанъ „отъ конецъ до конецъ вселенныя“. Эта трогательная черта, равно какъ и другія сохранившіяся въ Святотробскомъ и вообще православно восточномъ Богослуженіи черты глубокой христіанской древности, заслуживали бы полнаго подражанія и перенесенія ихъ въ Богослуженіе русской Церкви. Напротивъ, достойно глубокаго сожалѣнія то обстоятельство, что Богослуженіе страстей Христовыхъ въ практикѣ Сіонской церкви нашихъ дней утратило свою связь не только съ тѣми достопокланяемыми мѣстами, на которыхъ совершились воспоминаемыя въ Евангеліи спасительныя событія послѣдняго дня земной жизни Спасителя, но даже съ самою Голгозою, находящеюся подъ одною кровлею съ храмомъ Воскресенія и упоминаемою въ большинствѣ евангельскихъ чтеній послѣдованія святыхъ страстей („Великая Пятница въ Святотробскомъ храмѣ въ Іерусалимѣ“, стр. 2). Еще менѣе назидательное, напротивъ, прямо гнетущее и удручающее впечатлѣніе производятъ изображаемыя у автора сцены, рисующія поведеніе богомольцевъ и толпы вообще въ Святотробскомъ храмѣ въ дни величайшихъ и святѣйшихъ воспоминаній (Тамъ-же, стр. 10 и слѣд. 23; „Благодать святаго огня“, стр. 12, 14 и др.) въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Глубоко одушевленный любовью къ православному Богослуженію и восторженно цѣнящій его красоты, авторъ обычно склоненъ умалять значеніе этихъ вопіющихъ нарушеній церковнаго благочинія, но истинное грустное положеніе дѣла сквозитъ и въ его восторженномъ описаніи, „Вечеръ великой пятницы—читаемъ напр. у него („Великая Пятница“, стр. 8 прим.),—(въ Іерусалимѣ) получаетъ окраску церковно-народнаго торжества, въ которомъ удивительнымъ образомъ сплетаются въ одно гармонически-цѣльное и глубокоумилительное и величественно-торжественное настроеніе, вызываемое религіознымъ обрядомъ, и излишне

игривое и несоответствующее данному моменту поведение народной экспансивной толпы, не рѣдко въ своемъ увлеченіи доходящей до забвенія того, при чемъ она присутствуетъ и что сопровождаетъ "... Наше личное впечатлѣніе отъ этой черты описанія провѣримъ стороннимъ и вполнѣ безпристрастнымъ свидѣтельствомъ Въ „Сообщеніяхъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ за 1894 годъ, февраль, стр. 96—97, читаемъ: „Со среды страстной седмицы всѣ поклонники стараются провести время въ храмѣ Гроба Господня или на дворѣ его. Сюда привлекаетъ ихъ не святость мѣстъ, не богослуженіе (въ смыслѣ чтенія слова Божія и пѣнія), а церемоніи: въ среду — общее елеосвященіе, въ четвергъ — умовеніе ногъ, въ пятницу вечеромъ — торжественное шествіе изъ Воскресенскаго храма на Голгофу и ко Гробу Господню, въ субботу — полученіе св. огня. Мѣста, также освященные присутствіемъ, кровавымъ потомъ нашего Искупителя, но на которыхъ нѣтъ церковныхъ церемоній, не посѣщаются ими. Странно и невѣроятно, что люди, пришедшіе изъ разныхъ странъ помолиться на мѣстѣ страданія Господа, не могутъ спуститься въ четвергъ вечеромъ — въ Геосиманію къ тѣмъ камнямъ, гдѣ самъ Искупитель молился до кроваваго пота и гдѣ былъ преданъ беззаконнымъ іудеямъ, а на самомъ дѣлѣ было такъ: въ четвергъ вечеромъ въ Геосиманской веси замѣчалось полное отсутствіе и православныхъ... и армянъ, и латинянъ; самый храмъ Гроба Господня въ ночь на пятницу былъ закрытъ для молящихся... Шумъ и толкотня у Гроба Господня въ послѣдніе дни страстной седмицы ясно говорятъ путнику, что въ это время христіане собираются сюда исключительно на зрѣлище церемоній, по крайней мѣрѣ — туземцы. О послѣднихъ можно сказать больше: они приходятъ въ церковь даже не ради церемоній, а для учиненія скандаловъ и безобразій“... Такое забвеніе на мѣстѣ святѣ словъ Христовыхъ: „*храмъ Мой — храмъ молитвы наречется*“ (Матѣ. XXI, 12, Марк. XI, 15.

Дук. XIX, 45. Іоан. II, 14) и наставленія апостольскаго: „*вся благообразно и по чину да бывають*“ (1 Кор. XIV, 40), разумѣется, не допускаетъ оправданія даже со стороны людей глубоко-религіозныхъ и склонныхъ къ самой широкой снисходительности.

Отмѣтимъ немногія частности у автора, съ которыми, на нашъ взглядъ, согласиться нельзя. Авторъ видимо стоитъ на сторонѣ Святотробоуской практики совершенія *всенощнаго бдѣнія* вечеромъ (въ 8½ час.) великаго пятка, „которое“—замѣчаетъ онъ—„у насъ на Руси считается почему-то богослуженіемъ *внѣустановнымъ* и служитъ въ большинствѣ случаевъ лишь въ домовыхъ церквахъ и въ нѣкоторыхъ приходскихъ часто даже и безъ звона“ („Великая Пятница“, стр. 10), а ниже (стр. 10, прим.) указываетъ—именно въ словахъ Евангелія, Марк. XV, 42: „*И уже поздѣ бывшу, понеже бѣ пятакъ, еше есть къ субботѣ*“—„положительныя и твердыя основанія для чина именно всенощнаго бдѣнія подѣ великую субботу, а не утрени, какъ практикуется въ нашей церкви. „Достоинъ замѣчанія—прибавляетъ авторъ—и тотъ фактъ, что и въ приходскихъ храмахъ Константинополя и другихъ городовъ Востока великосубботняя утрени совершается съ вечера, хотя и по мотивамъ житейскаго свойства“. Намъ кажется, что только по мотивамъ послѣдняго свойства (напр. опасеніе оставлять дома ночью, а особенно—немощь плоти и нежеланіе пожертвовать привычнымъ ночнымъ сномъ для богослуженія, слѣд. нерѣшительность „единого часа побдѣти“ съ насъ ради умершимъ Господомъ) можно желать измѣненія принятой въ нашей церкви практики совершать великосубботнюю утрени въ глубокое утро этой „преблагословенной“ субботы; другихъ основаній къ тому не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, по ясному указанію церковнаго Устава („клеплетъ ко утрени въ седьмый часъ ночи“), уставнымъ является совершеніе этой несравненной по красотѣ и умиленности службы лишь въ глубокое утро; со-

вершеніе же всеошного бдѣнія, дѣйствительно, является несогласнымъ съ буквою Устава. Ссылка на Марк. XV, 42 не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ виду отсутствія въ службахъ церковныхъ точнаго соотношенія по времени съ воспоминаемыми въ немъ событіями. Такимъ образомъ практика русской церкви здѣсь предпочтительнѣе восточной, даже формально, тѣмъ болѣе, если обратимъ вниманіе, на то особенное благодатное возбужденіе, какое производится въ душѣ молящихся совершеніемъ службы „утру глубоку“.

Недосмотру, вѣроятно, обязано утвержденіе автора („Приготовленіе и освященіе мѣра“ стр. 2), что въ русской церкви мѣроосвященіе совершается *ежегодно* въ Москвѣ или въ Кіевѣ: въ дѣйствительности, въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ мѣровареніе совершается только чрезъ три года, и не въ одинъ разъ тамъ и здѣсь, такъ что одинъ годъ (напр. нынѣшній 1909-й) остается безъ этого торжественнаго событія. Брошюрамъ А. А. Дмитріевскаго желаемъ широкаго распространенія.

Свящ. А. Глаголевъ.

Прот. П. Я. Свѣтловъ. *Христіанская религія креста, какъ религія радости (противъ современныхъ вѣровъ креста въ „новомъ религіозномъ сознаніи“). Серіевъ Посадъ. 1909 г. 17 стр.*

Неутомимый апологетъ подарилъ русскую богословскую литературу новой брошюрой, составляющей отгискъ изъ молодого журнала „Христіанія“ (1909 г. № 1). Авторъ защищаетъ христіанство отъ несмолкающихъ со времени Ницше упрековъ въ мрачномъ коноритѣ, въ отрицаніи земной жизни съ ея радостями. Изъ русскихъ публицистовъ имѣется въ виду бл. обр. Розановъ именно статьи его „О сладчайшемъ Іисусѣ и горькихъ плодахъ міра“, „Вѣчная жизнь“ („Новое Время“ 08, 4 янв.), „О русскихъ богоискателяхъ“ („Живая Жизнь“ 08, 1), а также

нѣкто С. и его „Бѣлое христіанство“ („Вѣкъ“ 07, 18)—и „сочувственная статья по поводу какой то статьи какого то г. Варварина въ „Русскомъ Словѣ“ 1907 г.“ (стр. 8 брошюры).

Литературное имя автора и его успѣхъ какъ лектора ранѣе въ Нѣжинѣ, а нынѣ въ Кіевѣ дѣлають излишнею оцѣнку брошюры. И это тѣмъ болѣе, что послѣдняя представляетъ изъ себя лишь резюме богословскихъ воззрѣній автора, развитыхъ въ его болѣе солидныхъ трудахъ. Въ заслугу ему слѣдуетъ поставить, что онъ „не престаётъ обличая“, что онъ чутко прислушивается ко всѣмъ хуленіямъ нынѣшняго невѣрія и маловѣрія и на все даетъ свою отвѣдь. На упреки въ томъ, что въ христіанствѣ за крестомъ не видно воскресенія, что въ немъ есть „пятница подлѣ воскресенія и Пасха празднуется одинъ день и имѣетъ отданіе“, а въ теченіе года замѣняется „сѣрымъ воскресеніемъ“, авторъ справедливо указываетъ, что христіанство по существу своему евангеліе, что если оно въ историческомъ явленіи своемъ иногда не отвѣчало идеѣ своей, то вина этого—человѣческое непониманіе и естественная ограниченность, но что христіанская радость произрастаетъ не иначе, какъ на крестѣ, есть радость—допускаемъ здѣсь вольный перифразъ автора—отъ соуслажденія любовію Божіею, явленной во Христѣ.

Брошюра выигрывала бы еще болѣе въ своемъ впечатлѣніи на читателя, если бы не нѣкоторая отвлеченность разсужденій въ ней, малая конкретность. Фактовъ бы побольше, историческихъ справокъ, живыхъ примѣровъ (у автора только одинъ: св. Серафимъ Саровскій круглый годъ христосовался). Тогда, думается, авторъ кое въ чемъ дополнилъ бы свои выводы. Христіанство настолько многосторонне, что оно легко дѣлается для одного религіей скорби, а для другого радости, въ томъ и другомъ случаѣ одинаковс

только удовлетворя духъ челоуѣка. Святые, понимавшіе христіанство конечно болѣе насъ, замѣтно распадаются на эти два класса, изъ коихъ каждый сіяетъ не менѣе ослѣпительно, чѣмъ другой (Іоаннъ Многострадальный и Александръ Невскій).

Брошюра цѣнна и тѣмъ, что даетъ сжатое изложете взгляда автора на искупленіе, болѣе развитого въ его солидной монографіи. Взглядъ этотъ строго православный, но аргументація его у автора допускаетъ нѣкоторыя возраженія, о чемъ недавно пишущему эти строки пришлось высказаться ¹⁾. Главное: ветхозавѣтная жертва не получаетъ объясненія, какъ учрежденіе божественное.

М. Скабаллановичъ.

---

¹⁾ См. Труды К. Д. А. 1909, янв., „Пресв. Сильвестръ какъ догматистъ“. Въ изложеніе автора здѣсь вкрался досадный lapsus linguae: „эта монографія (т. е. „Значеніе креста“ проф. прот. П. Я. Свѣтлова), какъ веѣ работы ричлистовъ“ вмѣсто: какъ и работы ричлистовъ. Ошибка исправлена въ оттискахъ („О догматикѣ пр. еп. „Сильвестра“. К. 1909). Почтенный проф. прот., конечно, далекъ отъ ричліанства.